

Est. A 13324 6373

1918-3487.

Est. A
Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
6419
23542

О почвенно-ботанических экспедициях Переселенческого Управления. Во 2-3 выпусках X-го тома Трудов Юрьевского Ботанического Сада мною помещена была рецензия на изданные Переселенческим Управлением Главного Управления Землеустройства и Земледелия предварительные отчеты о почвенных и ботанических исследованиях в Сибири и Туркестане в 1908 году. В рецензии этой я считал своим долгом указать на крайне неудачную постановку дела ботанических исследований и сделал это, конечно, не из личных каких либо неприязненных отношений к завѣдующему ботаническими исследованиями Переселенческого Управления, как последний склонен, по видимому, думать, (см. стр. 12 нижеприводимого его ответа, где резкая критика переселенческого предприятия г. Флѣрова объясняется имъ „русской общественной некультурностью, неумѣнием отрѣшиться отъ всякаго рода личныхъ отношений и счетовъ ради дружнаго проведения дела, могущаго послужить и интересамъ государственнымъ и на пользу русской науки“), а потому, что организация подобныхъ экспедицій съ затратою огромныхъ суммъ изъ средствъ Государственного Казначейства есть дело высокой государственной важности, и естественно желаніе каждаго любящаго свое отечество человека, видящаго, что дело гибнетъ, сказать громко и откровенно — не такъ дело ведется; вотъ ошибки в постановкѣ дела, вотъ, по моему мнѣнію, какъ нужно его поставить. Я считалъ бы нравственно не допустимымъ для себя молчать, когда я убѣжденъ, на основаніи многолѣтняго опыта и знанія, что дело гибнетъ. Критика, написанная мною по адресу ботаническихъ экспедицій, сознаюсь, была резкая, обращающая на себя вниманіе, и я, конечно, ожидалъ, что на критику мою послѣдуетъ со стороны завѣдующаго ботаническими исследованиями отвѣтъ въ какомъ либо научномъ органѣ, отвѣтъ, который или разъяснилъ бы причины неудачной постановки дела ботаническихъ экспедицій Переселенческаго Управления, и далъ бы указанія, въ какомъ направленіи намѣренъ завѣдующій экспедиціями улучшить постановку дела в будущемъ, или отвѣтъ, который доказалъ бы несправедливость моихъ обвиненій и показалъ бы, что предварительный отчетъ, напечатанный о ботаническихъ экспедиціяхъ 1908 года, на самомъ дѣлѣ неправильно освѣтилъ постановку этого важнаго дела и г. завѣдующій можетъ доказать, что и в 1908 году дело ботаническихъ исследований переселенческихъ участковъ поставлено было гораздо лучше, чѣмъ вытекаетъ это изъ наскоро опубликованнаго предварительнаго отчета.

Ожидаемый на мою критику отвѣтъ появился подъ заглавіемъ: „А. Ѳ. Флѣровъ. О почвенно-ботаническихъ экспедиціяхъ Переселенческаго Управленія. С.-Петербургъ, 1909 г. 16 стр. Цѣна 40 к. Продается въ книжныхъ магазинахъ.“

Ознакомившись съ этимъ отвѣтомъ, я долженъ однако заявить, что этотъ отвѣтъ, къ большому моему сожалѣнію, убѣдилъ меня еще больше въ правотѣ моего мнѣнія, что постановка ботаническихъ экспедицій Переселенческаго Управленія плоха, что государственныя деньги идутъ зря, что ни для науки, ни для огромной важности государственнаго дѣла организованныя въ современномъ видѣ экспедиціи ничего не дадутъ. Я говорю, къ сожалѣнію, потому, что это дѣло не шуточное, отъ правильной постановки его зависитъ въ значительной мѣрѣ (конечно не въ исключительной мѣрѣ однако) правильное направленіе колонизаціи Азіи, а между тѣмъ дѣло поставлено не такъ, какъ слѣдуетъ. Я предпочелъ бы ошибиться въ своихъ заключеніяхъ, я былъ бы радъ, если бы мнѣ доказали, что я ошибся, увлекся въ своей критикѣ, т. к. кк. тогда были бы виноваты я одинъ, какъ критикъ, но за то дѣло было бы спасено, и, развиваясь дальше, современемъ принесло бы свои плоды, принесло бы ту важную пользу нашему государству, для котораго оно столь широко задумано Переселенческимъ Управленіемъ.

Къ печальному выводу, что я не ошибся, приводитъ меня вышепоименованный отвѣтъ, и вотъ почему. Завѣдующій ботаническими изслѣдованіями переселенческихъ экспедицій, вмѣсто отвѣта по существу, въ возраженіи своемъ нападаетъ на меня, на мои работы, не имѣющія никакого отношенія къ разсматриваемому вопросу, нападаетъ на цѣлый рядъ другихъ лицъ и на ботаническія учрежденія, и этими неидущими къ дѣлу нападками думаетъ побить своего противника; но свое дѣло онъ не защищаетъ, слабыя стороны отчета своего не оправдываетъ, однимъ словомъ, важный съ принципиальной стороны вопросъ переводить на почву личной полемики, на почву дискредитированія научной компетенціи отдѣльныхъ ученыхъ. Споръ, перешедшій на личную почву, можно было бы не продолжать; если г. завѣдующему ботаническими изслѣдованіями кажется, что моя научная компетенція не велика, что мои работы плохи, то это дѣло его научнаго взгляда, и я не имѣю ни претензіи, ни желанія доказывать моему оппоненту противное. Но, если я все же считаю себя обязаннымъ указать на вышецитированный отвѣтъ и сказать еще нѣсколько словъ по поводу дальнѣйшей организаціи ботаническихъ экспедицій Переселенческаго Управленія, то лишь ввиду крайней важности самаго дѣла, и дабы во всеуслышаніе заявить, что я всецѣло остаюсь при своемъ мнѣніи, что ботаническія экспедиціи 1908 года были организованы крайне плохо и дали очень мало результатовъ.

Я уже заявилъ въ свое время, что считаю, что серьезно-составленныя программы ботанико-географической подкомиссіи Почвенной Комиссіи Имп. Вольно-Экономическаго Общества, даже въ ихъ первомъ изданіи, смѣло могли бы замѣнить никому ненужныя инструкціи гг. Флѣрова и Федченка, изданныя Переселенческимъ Управленіемъ на правахъ рукописи.

На это г. Флѣровъ въ отвѣтъ своемъ заявляетъ слѣдующее (стр. 5): „Между тѣмъ эти „серьезно составленныя программы ботанико-географической подкомиссіи“ оказались настолько неподходящими, что были подвергнуты вновь полной переработкѣ по постановленію самой же подкомиссіи. Можно думать, что проф. Н. И. Кузнецовъ еще не успѣлъ ознакомиться съ этими программами, иначе онъ, думается, не сталъ бы рекомендовать Переселенческому Управленію ихъ въ томъ видѣ, какъ онъ были изданы. Въ настоящее время эти программы заново перерабатываются при участіи ботаниковъ, работавшихъ въ экспедиціяхъ Переселенческаго Управленія и моемъ, и надо думать, что будутъ вполне соответствовать своему назначенію.“

Это одинъ изъ характернѣйшихъ образчиковъ отвѣта г. Флѣрова

на мою критику. Какое право имѣть г. Флѣровъ думать, что я буду рекомендовать вниманію правительственнаго учрежденія то, что я самъ не читалъ, или съ чѣмъ не знакомъ? Я могу ошибаться въ своихъ мнѣніяхъ, я могу считать великолѣпно-составленныя инструкціи гг. Флѣровъ и Федченко по тѣмъ или инымъ научнымъ даннымъ неподходящими, и наоборотъ, но рекомендовать кому-либо то, что самъ не читалъ, такого о себѣ подозрѣнія я допустить не могу, и не позволилъ бы себѣ допустить такое подозрѣніе относительно кого бы то ни было, разъ подозрѣніе это не основано на ясно-доказанныхъ фактахъ. Это разъ.

Во-вторыхъ, я покорнѣйше просилъ бы г. Флѣрова разослать свои „Инструкціи“ всѣмъ русскимъ ботаникамъ, и пусть ботаники скажутъ ему, можно ли изданную имъ совместно съ г. Федченко инструкцію сравнивать съ „Предварительными программами“, составленными ботанико-географической подкомиссіей; эту послѣднюю программу русскіе ботанико-географы получили въ свое время еще весною прошлаго года, и разослана она была имъ именно съ цѣлью указать свои замѣчанія, внести поправки на основаніи своего опыта и наблюденій. Ботанико-географическая подкомиссія никогда не находила свои программы перваго изданія неподходящими, но она ихъ перерабатывала сообразно полученнымъ указаніямъ и замѣчаніямъ русскихъ ботанико-географовъ. И, конечно, не потому 2-ое изданіе программъ, нынѣ вышедшее изъ печати, будетъ подходящимъ, что въ переработкѣ ихъ участвовалъ г. Флѣровъ и двое изъ студентовъ переселенческихъ экспедицій, а потому, что въ основу ихъ переработки положены знанія, опытъ и наблюденія цѣлаго ряда русскихъ ботанико-географовъ.

Ботанико-географическая подкомиссія поступила съ г. Флѣровымъ въ исполнѣнн коллегіально, пригласивъ и его высказать свое мнѣніе по поводу обрабатываемыхъ программъ, ибо г. Флѣровъ написалъ уже не мало работъ въ области ботанической географіи Евр. Россіи, а г. Флѣровъ въ отвѣтъ на такое коллегіальное къ нему отношеніе самонадѣянно заявляетъ, что молъ пока въ составленіи программъ онъ участія не принималъ, онѣ были плохи, а вотъ теперь онѣ будутъ великолѣпны, такъ какъ въ ихъ составленіи принималъ участіе г. Флѣровъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что въ засѣданіяхъ по обсужденію этихъ программъ г. Флѣровъ былъ всего одинъ разъ. Очевидно, г. Флѣровъ такая сверхъестественная величина, что достаточно одного раза его присутствія въ засѣданіяхъ комиссіи по обработкѣ программъ, чтобы программы весьма слабыя и непригодныя сдѣлались сразу великолѣпными. Я тоже имѣлъ честь одинъ разъ присутствовать на засѣданіи при обсужденіи этихъ программъ, но считаю, что мое участіе въ ихъ составленіи было минимальное, и всю тяжесть дѣйствительно важнаго и полезнаго труда этого вынесли на своихъ плечахъ не ботаники Переселенческаго Управленія, а Н. А. Бушъ, проф. Г. Ф. Морозовъ, В. Н. Сукачевъ и нѣкоторые другіе ботаники, бывшіе душой всего этого дѣла.

Вторымъ образчикомъ личнаго характера полемики г. Флѣрова является выноска на той же пятой страницѣ отвѣта. Въ своей критикѣ я указалъ гг. Флѣрову и Федченко, что они свои „Инструкціи“ заборонировали отъ критики надписью — „на правахъ рукописи“. Въ отвѣтъ на это г. Флѣровъ пишетъ: „Относительно изданія „на правахъ рукописи“ можно отмѣтить, что самъ проф. Н. И. Кузнецовъ даже отчетъ и карты къ своимъ отчетамъ издавалъ на правахъ рукописи, см. Труды Экспедиціи по изслѣдованію источниковъ главнѣйшихъ рѣкъ Европейской Россіи“. Эти отчеты и карты изданы были не мною, а названной „Экспедиціей“, и изданы были „на правахъ рукописи“ противъ моего желанія. Я предпочелъ бы и сейчасъ видѣть ихъ изданными не на правахъ рукописи, ибо съ одной стороны критика могла бы указать мои ошибки и недочеты, а съ другой стороны и я не лишень былъ бы возможности цитировать печатно нѣкоторыя свои мнѣнія, вы-

сказанныя еще 15 лѣтъ тому назадъ и отъ которыхъ я не отказываюсь и теперь. Эти отчеты и карты напечатаны были въ 1894 году.

Убийственное на первый взглядъ впечатлѣніе можетъ произвести сопоставленіе г. Флѣровымъ выдержекъ изъ моей критики отчетовъ гг. Дробова, фонъ Минквицъ и фонъ Кноррингъ съ выдержками изъ моего собственнаго сочиненія: „Элементы Средиземноморской области въ западномъ Закавказьѣ“. Смыслъ этихъ сопоставленій (стр. 9—10) таковъ: профессоръ упрекаетъ молодыхъ начинающихъ ученыхъ въ томъ, что самъ себѣ позволяетъ въ своихъ профессорскихъ трудахъ. Приводя эти сопоставленія, г. Флѣровъ не цитируетъ ни страницы моего сочиненія, ни года изданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ закрываетъ мнѣ ротъ, понимая, что не удобно расхваливать свое собственное сочиненіе. Желаящимъ разобраться въ приведенныхъ выдержкахъ изъ моего сочиненія я укажу страницы этихъ цитатъ, упущенныя г. Флѣровымъ. Первая выдержка взята со стр. 47 моего сочиненія, вторая со стр. 60, третья и четвертая со стр. 103 и послѣдняя со стр. 101. Ботаники, желающіе ознакомиться съ характеромъ приведенныхъ выдержекъ и сопоставить ихъ съ выдержками изъ отчета, изданнаго г. Флѣровымъ, могутъ перечитать эти и близъ расположенныя страницы и убѣдиться, что г. Флѣровъ сравниваетъ вещи несравнимыя. Въ отчетахъ гг. Дробова, фонъ Минквицъ, фонъ Кноррингъ приведенныя мною выдержки характеризуютъ всю бесодержательность ихъ отчетовъ.

Выдержки, приведенныя изъ моего сочиненія г. Флѣровымъ, со стр. 47, 60, 101 и 103, представляютъ отдѣльно выхваченныя слова и фразы, не измѣняющія сущности работы, имѣющей свое научное значеніе. Я тѣмъ легче могу говорить о научномъ значеніи моей работы „Элементы Средиземноморской области въ западномъ Закавказьѣ“, что написана эта работа не теперь, а очень давно. Она была написана мною, когда я былъ въ возрастѣ немного большемъ возраста гг. Дробова и другихъ молодыхъ сотрудниковъ г. Флѣрова, а именно въ 1891 году, т. е. почти 20 лѣтъ назадъ. Въ этой работѣ, на которую, за давностью ея, я могу глядѣть объективно, почти какъ на чужую работу, есть не мало промаховъ и ошибокъ. Очень нехорошо, конечно, что я двадцать лѣтъ назадъ не зналъ, какой видъ дуба или *Crataegus*'а наблюденъ былъ мною тамъ то и тамъ то, и это я ставлю столько же въ вину своей работѣ, какъ и отчету г. Флѣрова. Но все же, хотя къ дѣлу это и не относится, я могу сказать, что работа моя дала кое-что большее ботанической географіи, чѣмъ переселенческой отчетъ г. Флѣрова.

Еще послѣдній примѣръ полемическаго приема г. Флѣрова: «Впервые изъ письма Р. Э. Регеля узнаю, что В. С. Богданъ „такой знатокъ“ флоры Сибири, къ сожалѣнію работъ В. С. Богдана въ этой области мнѣ не встрѣчалось, раньше я зналъ В. С. Богдана, какъ выдающагося агронома, ранѣе работавшаго въ Тургайско-Уральскомъ районѣ Переселенческаго Управленія» (стр. 11). Весьма жалко, что г. Флѣровъ, взявшій на себя отвѣтственную роль завѣдующаго цѣлымъ рядомъ ботаническихъ экспедицій Переселенческаго Управленія, не знакомъ съ прекрасной работой В. С. Богдана: „Растительность Тургайско-Уральскаго переселенческаго района. I. Списокъ растений, собранныхъ чинами переселенческой организаціи, съ замѣтками о хозяйственномъ значеніи нѣкоторыхъ травъ. Изданіе переселенческой организаціи. Оренбургъ. 1908. Стр. 1—105“. Рецензія объ этой работѣ напечатана была А. И. Мальцевымъ въ 4 вып. X тома Труд. Юрьев. Бот. Сада, стр. 246—248. Рецензія эта заканчивается слѣдующими словами: „Настоящая работа В. С. Богдана — единственная въ своемъ родѣ, которая показываетъ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ работать переселенческимъ организаціямъ, чтобы онѣ стояли на научно-прикладной почвѣ и давали осязаемые результаты, которые можно было бы использовать въ сельско-хозяйственномъ отношеніи; она можетъ служить образцомъ ботаническихъ работъ, преслѣдующихъ одновременно и прикладныя цѣли“.

Съ этимъ мнѣніемъ, насколько мнѣ извѣстно, согласенъ такой опытный и серьезный ботаникъ, какъ Р. Э. Регель, къ этому же мнѣнію и я вполне присоединяюсь.

Г. Флѣрову, судя по его же вышесказаннымъ словамъ, работа эта или не извѣстна, или онъ ее игнорируетъ. А въ вышедшемъ отчетѣ г. Флѣрова, снабженномъ красивыми, но, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ почти излишними картинками¹⁾, написанномъ наскоро и небрежно, ничего подобнаго серьезному отчету В. С. Богдана не имѣется. Но это и понятно. Для того, чтобы написать работу, подобную работѣ В. С. Богдана, нужно нѣсколько лѣтъ серьезной работы на мѣстѣ. А по инструкціи г. Флѣрова и Федченко отъ ботаниковъ переселенческихъ экспедицій требуется слѣдующее:

„По окончаніи работъ ботаникъ обязанъ:

1) Представить самый краткій отчетъ съ указаніемъ лишь времени работъ и маршрута — въ двухнедѣльный срокъ.

2) Представить болѣе подробный отчетъ (размѣромъ не менѣ печатнаго листа за мѣсяцъ работы), примѣнительно къ п. п. 1, 5 и 6 настоящей программы — въ двухмѣсячный срокъ“ (!).

„3) Представить ботаническую карту и полную серію фотографическихъ снимковъ или, еще лучше, негативы.

4) Представить полностью весь собранный гербарный матеріалъ“.

Это взято изъ Приложенія II-го къ восхваляемымъ г. Флѣровымъ и изданнымъ имъ самимъ совместно съ г. Федченко на правахъ рукописи „Инструкціямъ“.

Всякій, занимавшійся ботаникой, знаетъ, что въ два мѣсяца обработать научно, серьезно гербарій, собранный въ Сибири или Туркестанѣ, не возможно, и представить дѣльный, серьезный отчетъ въ размѣрѣ не менѣ печатнаго листа за мѣсяцъ работы тоже нельзя. А потому, если г. завѣдующій требуетъ отъ своихъ сотрудниковъ выполненія этой инструкціи, то результатомъ и являются отчеты, достоинство которыхъ мною уже выяснено, а возраженіемъ г. Флѣрова лишь еще болѣе доказано, а не опровергнуто.

Есть еще одна важная причина неудачи ботаническихъ экспедицій Переселенческаго Управленія. Это непониманіе задачи ботаническихъ изслѣдованій, снаряжаемыхъ съ колонизаціонной точки зрѣнія. Мнѣ могутъ сказать: „А все же экспедиціи эти, не смотря на неудовлетворительную постановку ихъ и на крайне слабый научный персоналъ, приносятъ свою пользу: молодые начинающіе ботаники, которыхъ посылаютъ въ эти экспедиціи, привозятъ интересные гербарные матеріалы, которые, если не теперь, то когда-либо будутъ обработаны и принесутъ свою пользу наукѣ, ибо сборы происходятъ въ странахъ мало извѣстныхъ, мало изслѣдованныхъ“. Противъ такой точки зрѣнія я долженъ однако возразить слѣдующее: даже простое коллекціонированіе растений съ гораздо болѣею пользою будетъ сдѣлано опытнымъ флористомъ, чѣмъ начинающими молодыми людьми; это вѣдь всякому флористу отлично извѣстно. Экскурсирующий въ первый разъ въ данной мѣстности

1) Я позволяю себѣ считать въ данномъ случаѣ иллюстраціи „Отчета“ г. Флѣрова излишними, бьющими лишь на эффектъ, ибо иллюстрировать — то въ текстѣ „Отчета“ почти ничего: настолько текстъ этотъ безсодержателенъ и примитивенъ. Невольно получается впечатлѣніе, что хоть красивыми картинками хотѣлъ редакторъ „Отчета“, г. Флѣровъ замаскировать убогость его содержанія. Но тѣ-же самыя фотографіи могли бы сослужить большую пользу и быть дѣйствительно полезными и въ практическомъ, и въ научномъ отношеніи, если бы самъ текстъ „Отчета“ имѣлъ вполне серьезный, научный характеръ и вносилъ бы въ познаніе физической географіи Азіатской Россіи дѣйствительно новыя интересныя данныя.

пропустить многое интересное, что онъ найдетъ потомъ, изучивши флору и наметавши свой взглядъ. Я ничего однако не имѣлъ бы противъ привлеченія для цѣлей чисто гербаризаціонныхъ молодыхъ начинающихъ ученыхъ, въ качествѣ сотрудниковъ людей опытныхъ, знающихъ данную флору. Но я не могу допустить, чтобы при тѣхъ широкихъ матеріальныхъ средствахъ, которыя на эти экспедиціи ассигнуются, на начинающихъ ученыхъ возлагалась отвѣтственная самостоятельная роль, не объединяемая опытнымъ руководствомъ, если не считать за руководство „Инструкцію гг. Флѣрова и Федченко“, образецъ которой по своей научной невыполнимости приведенъ выше. Но мнѣ думается, что если цѣль экспедицій этихъ была бы лишь гербаризація, то едва-ли Государственная Дума и Государственный Совѣтъ ассигновали бы такія средства на простое собираніе гербаріевъ въ Сибири и Туркестанѣ, когда у Государственнаго Казначейства нашего не хватаетъ средствъ на многія болѣе важныя государственныя нужды, когда университеты и ученныя общества наши хронически страдаютъ недостаткомъ средствъ¹⁾.

Но задача экспедицій Переселенческаго Управленія не въ гербаризаціи, что въ крайнемъ случаѣ могли бы успѣшно дѣлать при опытномъ руководствѣ и молодые сотрудники г. Флѣрова. Задача, на которую вполне правильно ассигнованы не малыя средства, состоитъ въ изученіи растительнаго покрова, въ связи съ почвеннымъ покровомъ страны. Это требуетъ широкой эрудиціи въ области ботанической географіи, флористики и почвовѣдѣнія, а этой то послѣдней эрудиціи нѣтъ, повидимому, и у самого завѣдующаго экспедиціями.

На стр. 7 своего отвѣта г. Флѣровъ говоритъ: „Меня удивляетъ, какимъ образомъ проф. Н. И. Кузнецовъ, не будучи хорошо знакомъ съ почвовѣдѣніемъ, такъ развязно, чтобы не сказать больше, берется судить о выполненіи работъ почвовѣдами и ихъ руководителями, и тѣмъ самымъ ставить и себя, а своими некомпетентными похвалами и ихъ, въ странное положеніе“. Я, конечно, спеціально почвенными изслѣдованіями не занимаюсь и не занимался никогда. Но съ почвовѣдѣніемъ я знакомъ и считаю, что ботанико-географу съ нимъ знакомымъ нужно быть, иначе онъ не будетъ хорошимъ ботанико-географомъ. Относительно одобрительнаго отзыва моего о почвенныхъ изслѣдованіяхъ Переселенческихъ Экспедицій могу сослаться на рецензію г. С. Захарова въ послѣдней книжкѣ журнала „Почвовѣдѣніе“. № 4, 1909 г., стр. 339—342.

1) Для полной объективности укажу здѣсь на весьма благосклонную рецензію о предварительномъ ботаническомъ отчетѣ Переселенческаго Управленія, изданномъ въ 1909 г. подъ редакціей г. Флѣрова, напечатанную въ № 9, 1909 г. журнала „Естествознаніе и Географія“ (стр. 83—85). Въ рецензіи этой говорится: „Незнаніе страны — одно изъ главныхъ золь, отъ которыхъ страдаетъ Россія и въ частности переселенческое дѣло, въ правильной постановкѣ котораго лежитъ развязка земельного вопроса. Милліоны десятинъ плодородной почвы лежатъ неиспользованными, а въ другихъ мѣстахъ создавалась земельная тѣснота. Переселенческое Управленіе вступило на единственный правильный путь постановки переселенческаго дѣла, рѣшивъ снаряжать научныя экспедиціи для почвенно-ботаническихъ изслѣдованій“.

Я всецѣло присоединяюсь къ этому мнѣнію неизвѣстнаго рецензента, скрывшаго свое имя подъ инициалами Г. К. Думаю однако, судя по дальнѣйшему изложенію рецензіи, что авторъ рецензіи, можетъ быть весьма авторитетный ученый въ области своей спеціальности, во всякомъ случаѣ не ботаникъ и не ботанико-географъ, иначе онъ отнесся бы болѣе критически къ рецензируемому имъ „Отчету“ и отмѣтилъ бы его многочисленныя слабыя стороны и полнѣйшую бездоказательность практическихъ выводовъ, которымъ рецензентъ склоненъ приписать важное прикладное значеніе.

Отзывъ этотъ, появившійся въ печати независимо отъ моего отзыва объ отчетѣ проф. Глинки, въ основѣ своей сходится съ моимъ отзывомъ, а компетентность г. Захарова и редактора журнала „Почвовѣдѣнія“ П. В. Отоцкаго въ области почвовѣдѣнія, едва ли будетъ заподозрена даже г. Флѣровымъ. А что г. Флѣровъ, видно, мало знакомъ съ почвовѣдѣніемъ и не умѣетъ поставить свои экспедиціи такъ, чтобы онѣ шли рука объ руку съ почвенными экспедиціями Переселенческаго Управленія, это видно и изъ отвѣта его, и изъ его отчета. Между тѣмъ, у насъ въ Россіи есть ботанико-географы, которые специально изучали вопросы отношенія растительности къ почвамъ и составили себѣ крупное имя въ этомъ именно направленіи. Таковы проф. Одесскаго Унив. Г. И. Танфильевъ и проф. Саратовскаго Унив. А. Я. Гордягинъ. Г. И. Танфильевъ много лѣтъ работалъ совмѣстно съ покойнымъ проф. В. В. Докучаевымъ, и г. Флѣровъ положительно не правъ, утверждая въ своемъ отвѣтѣ, что ботаническія изслѣдованія въ экспедиціяхъ В. В. Докучаева не могутъ считаться образцомъ. Ботаническія работы проф. Г. И. Танфильева въ Евр. Россіи велись одновременно съ почвенными изслѣдованіями В. В. Докучаева именно въ томъ направленіи, какъ онѣ должны быть поставлены для Азіатской Россіи¹⁾. Но Г. И. Танфильевъ работалъ какъ разъ также въ Сибири (въ Барабѣ) надъ подобными же вопросами и является крупнымъ специалистомъ, могущимъ указать Переселенческому Управленію, какъ слѣдуетъ правильно поставить дѣло ботаническихъ изслѣдованій съ колонизаціонными цѣлями. Такимъ же крупнымъ специалистомъ является по этимъ вопросамъ проф. А. Я. Гордягинъ, работавшій надъ почвами и растительностью Западной Сибири. Характеръ работъ ученика проф. А. Я. Гордягина, В. А. Келлера опять таки подходит совершенно подъ типъ того, что именно нужно, по моему мнѣнію, Переселенческому Управленію. Есть у насъ и другіе хорошіе знатоки растительности Азіатской Россіи. Въ Петербургѣ Переселенческое Управленіе могло бы обратиться къ такимъ ученымъ, какъ В. Л. Комаровъ, В. И. Липскій, Д. И. Литвиновъ, много работавшимъ надъ флорой Азіатской Россіи; въ Томскѣ заслуженной извѣстностью пользуются проф. П. Н. Крыловъ и проф. В. В. Сапожниковъ. Оба они не мало поработали надъ растительностью Сибири и прилежащихъ частей Средней Азіи.

Между тѣмъ мы видимъ, что изъ перечисленныхъ специалистовъ по растительности Азіатской Россіи лишь въ самое послѣднее время В. И. Липскій принялъ участіе въ переселенческихъ экспедиціяхъ, да и то въ качествѣ завѣдующаго отдѣльной экспедиціей, наравнѣ съ начинающими учеными, а не въ качествѣ организатора столь важнаго и отвѣтственнаго дѣла. Отвѣтственнымъ же лицомъ остается г. Флѣровъ, который ботанической географіей Сибири и Туркентана никогда раньше не занимался и который, я продолжаю это утверждать, не сумѣлъ поставить важное дѣло ботаническихъ экспедицій Переселенческаго Управленія на должную высоту. Отвѣтами, подобными напечатанному, г. Флѣровъ меня въ моемъ мнѣніи не разубѣдитъ; и я радъ буду, если полные отчеты докажутъ неосновательность моей критики, но, къ сожалѣнію, питаю очень мало на это надежды.

Въ заключеніе я долженъ отвѣтить еще на одно возраженіе г. Флѣрова. На стр. 11 своего отвѣта г. Флѣровъ говоритъ: „Для меня не понятно, къ чему понадобилось Р. Э. Регелью снова пытаться возстановить то, что онъ говорилъ въ засѣданіи. Р. Э. Регель извѣстный специалистъ по прикладной ботаникѣ, но почти не извѣстенъ, какъ бота-

1) Я, конечно, говорю здѣсь не объ отдѣльныхъ выводахъ проф. Г. И. Танфильева, которые могутъ быть и оспариваемы съ чисто-научной точки зрѣнія, а о направленіи, о характерѣ почвенно-ботаническихъ работъ уважаемаго ученаго.

нико-географъ, и потому его мнѣніе въ этой области не можетъ имѣть большого значенія“.

Не Р. Э. Регеля понадобилось возстановить то, что онъ говорилъ въ засѣданіи, а я просилъ Р. Э. Регеля, уважая его, какъ хорошаго ботаника, отлично знакомаго и съ ботанической географіей, подѣлиться со мной и моими читателями своимъ мнѣніемъ, именно какъ специалиста въ области прикладной ботаники, ибо и сами экспедиціи Переселенческаго Управленія имѣютъ прежде всего прикладное значеніе. Для этого онъ и были организованы. И если для г. Флѣрова мнѣніе Р. Э. Регеля не имѣетъ значенія, какъ вообще, повидимому, г. Флѣровъ не считается съ мнѣніями специалистовъ-ученыхъ, то для меня мнѣніе Р. Э. Регеля имѣетъ большой вѣсъ и значеніе. Смѣю думать, что это послѣднее раздѣлять со мной и нѣкоторые другіе ботаники.

Н. Кузнецовъ (Юрьевъ).

(Отдѣльный оттискъ изъ „Трудовъ Ботаническаго Сада Императорскаго Юрьевскаго Университета“.)

Типографія К. Маттисена, Юрьевъ.